

Золотая сокровищница

Среди огромного количества ценнейших рукописей украинских писателей — Котляревского, Ивана Фрашка, Панаса Мирного, Копибиного, Леси Украинки, Грабовского, Тесленко, Стефаника и других, хранящихся в отделе рукописей института украинской литературы им. Т. Г. Шевченко Академии наук УССР, рукописное наследие гениального Кобзаря занимает одно из первых мест.

Шевченковская коллекция насчитывает свыше 850 документов.

Среди ранних произведений Тараса Григорьевича привлекает внимание автограф поэмы на украинском языке «Мар'яна-черниця», написанной в 1841 году на 14 небольших страничках.

Огромный интерес представляет сборник автографов «Три літа». В сборнике собрано большинство произведений за 1843—45 гг.

В 1847 году при аресте этот сборник, вместе с другими произведениями, был отобран у поэта и фигурировал в III отделении, как обвинительный материал.

Исключительную ценность представляет так называемая «Захалайна» или «Мала книжка». И. С. Тургенев о ней писал: «Он (Шевченко) мне показал крошечную книжечку, переплетенную в простой дехтярный товар, в которую он записал свои стихотворения и которую прятал в голенище сапога, так как ему было запрещено заниматься писанием».

Интересна судьба этой книжечки. Известно, что, находясь в Оренбурге в 1850 году, Шевченко был предупрежден о предстоящем обыске в его помещении и успел, очевидно, передать на хранение книжечку Ф. Лазаревскому и Герну, а через 7 лет, как видно из его переписки, будучи задержан почти на целый год в Нижнем-Новгороде при возвращении из ссылки, получил ее и сразу же принялся перерабатывать и переписывать «невільничі поезії». Затем она хранилась у автора, а после его смерти находилась у разных лиц в Петербурге и Киеве и, наконец, после Октября стала достоянием народа.

Имеется также «Вільна книжка». В нее поэт записывал свои стихотворения и поэмы вплоть до самой смерти.

Обширно представлена переписка Шевченко. Здесь собраны письма к нему от Булиши, Максимовича, Маркевича и других.

За последние два года институт литературы приобрел автограф поэмы «Слепая», написанной на русском языке, два неопубликованных письма Шевченко к редактору журнала «Маяк» Бурачку за 1844 год, автографы поэзий «Як умру», «Галація», альбом Лазаревского со стихами Шевченко, три офорта Шевченко с

дарственными автографами, фотографию с автографом Шевченко, подаренную М. Лазаревскому, дарственный автограф К. Шрейдеру.

Рукописное наследие гениального Кобзаря представляет собой в полном смысле слова золотую сокровищницу.

Ф. КОВАЛЬ.

Зав. отделом рукописей института украинской литературы им. Т. Г. Шевченко Академии наук УССР.

Поздней ночью летом 1861 года помещик Каневского уезда пан Парчевский, экстренной запиской на французском языке, с величайшей тревогой сообщил своему соседу помещику князю Лопухину:

«... Канев есть центр заговора против помещиков, а Корсунь подручное место. Есть очень деятельные агенты между поселянами Шевченки... Мы на вулкане. Неведение или беспечность полиции удивительны. Я поставлю себе в священную обязанность предупредить об этом вашу светлость... Время не терпит... Я бы просил письмо это сжечь».

На другой же день эта записка была доставлена киевскому генерал-губернатору, и началось полицейское расследование.

Что же случилось? Что так переполошило этих помещиков?

10 марта (26 февраля), на 47 году жизни перестало биться пламенное сердце великого украинского поэта, революционера-демократа Тараса Григорьевича Шевченко.

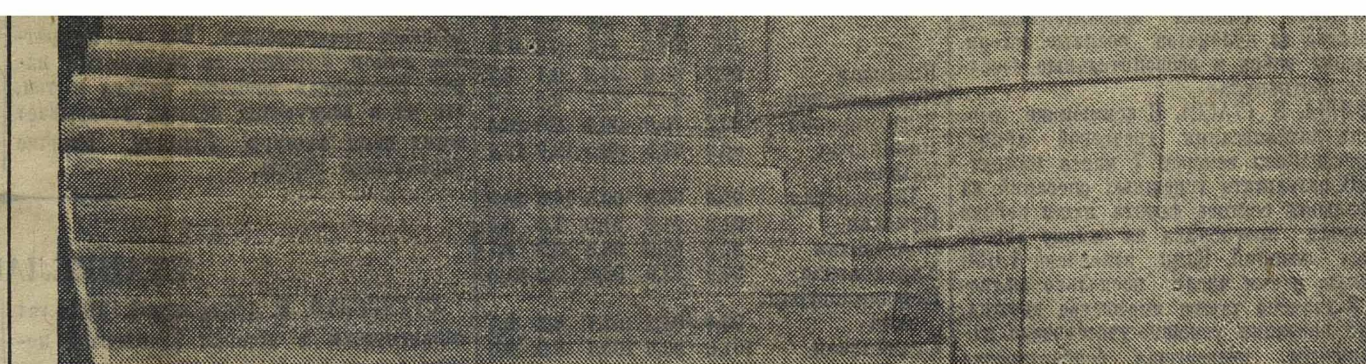
Замученный тюрьмами, тяжелой солдатчиной, постоянными полицейскими преследованиями, Т. Г. Шевченко разделил судьбу многих передовых людей той эпохи, став жертвой самодержавия.

В первых числах мая друзья и родные поэта, выполняя его «Заповіт», перевезли тело Шевченко на родину — Украину, 10 мая близ Канева на Чернечей горе у самого Днепра — украинский народ хоронил своего любимого Кобзаря.

И вот сюда, к свежей могиле поэта, со всех сторон непрерывным потоком стекались крестьянские массы, чтобы отдать ему свой последний долг. Многие приходили издалека, прослышав, что «батько Тарас» похоронен на днепровских кручах.

Эта демонстрация народной любви к поэту — революционеру и вызвала тревогу и животный страх у местных помещиков и парских слуг. Для них и мертвый Шевченко был не менее опасен, чем живой.

Когда в Киеве еще только готовились к отпавке гроба к месту погребения, киевский губернатор срочно и секретно переписывал каневской полиции: «Сегодня по-

Памятник Т. Г. Шевченко в Каневе.

Великая могила

везут на пароходе в Канев тело умершего академика Шевченко, где и предполагают похоронить его тело. Так как при погребении, по всей вероятности, будет большое стечение народа, то я предписываю... принять надлежащие меры к сохранению порядка».

Похороны Шевченко происходили в обстановке, когда первые известия о габельской реформе 1861 года привели к крушению надежд миллионов масс крестьянства получить землю и волю. Обманутое крестьянство на парский манифест отвечало восстаниями, отказом выполнять «повинности», нежеланием вступать в какие-либо соглашения с помещиками.

С такими чувствами и настроениями крестьяне шли к могиле Т. Г. Шевченко. Здесь, собиравшись вместе, они слушали его замечательные поэмы, в которых так ярко и просто были выражены сокровенные чаяния и революционные стремления закрепощенного крестьянства. Вспоминали все, о чем писал и чему учил «батько Тарас». Глубоко задумывались они над пророческими словами призыва своего Кобзаря —

... Добра не жди.

Не жди сполнаюй волі —

Вона заснула: цар Микола

Її прислав. А щоб збудити

Хиренну волю, треба миром,

Грохалою обух ставити.

Та добре вигострити сокиру —

Та й захопитися вже будити.

Каневский предводитель дворянства так писал о влиянии на крестьян могилы Шевченко: «Народ толпами собирается на могилу... люди проходят здесь по дороге, как по священной месту, почитают Шевченко как бы народным пророком своим и каждое слово его — заветом для народа... Крестьяне, которые и без того ожидают безвозмездной отдачи им мирских земель... теперь тем более упорочивают себя в этом мнении, а потому не желают прятаться ни к каким с помещиками добровольным

соглашениям, не желают переходить ни на оброк с недельной повинности, ни приобретать земли в собственность, ожидая чего-то другого в будущем».

Это ожидание «чего-то другого», настоящей воли, глубоко затаенная ненависть и отдельные протесты не переросли в организованное движение, во всеобщее крестьянское восстание.

Однако в представлении правящих кругов дворянства и помещиков движение крестьян к могиле Шевченко выпало в призраке «правильно организуемого заговора против их жизни». Они были убеждены, что могила поэта является «как бы знаменем соединения людей, порождающим ненависть народа к злостному дворянству», что «предметом ненависти становятся: все помещики, которые требуют от них (крестьян) повинностей за землю; все начальство, побуждающее их к исполнению обязанностей, и самое даже духовенство, которому они тоже не верят, ибо оно им не толкует положения нового в том смысле, как его желали понимать крестьяне».

Так писали помещики в своих сообщениях губернским властям. У страха глаза велики. Напуганные призраком восстания, они подхватывали и распространяли самые невероятные слухи: «... в могилу вложено не тело Шевченко, а ножи, которые присланы для произведения резни и получения, таким образом, простому народу полной свободы...». Передавали, что в некоторых местах уже организованы крестьянские отряды. Казалось, вот-вот произойдет восстание и повторятся времена гайдамачины. Все вокруг вызвало полонизацию, село тревогу. Уездный стряпчий доносил: «...На-днях, как я слышал, привезли какой-то зеленый супдук, опечатанный, и что в нем заключаются ножи».

Рассказы и слухи о готовящемся, якобы, крестьянском восстании, рожденные в

помещичьих усадьбах и имениях, повторялись на улицах, торговых площадях. Обрастающая, как снежный ком, все новыми и новыми вариантами, эти рассказы возвращались туда, откуда вышли — к помещичьим усадьбам, но уже в виде грандиозных воображаемых картин всеобщего бунта.

В Канев были передвинуты воинские части. Полиция во главе с киевским губернатором Гессе и жандармским полковником Грибовским производила допросы и аресты всех причастных «к делу о вредных толках, рассеянных в толпе простого народа».

Результаты расследования для властей были ошеломляюще неожиданными. Они тщательно готовились к подавлению вот-вот могущего вспыхнуть восстания. И вдруг — ни заговора, ни «шашек» вооруженных крестьян — ничего на деле не оказалось. Все слухи о них — плод животного страха тех, кто дрожал за свою власть над угнетенным народом.

Киевский генерал-губернатор писал в III отделение: «... предположение о существовании заговоров в г. Каневе с преступной целью и слухи о формирующихся будто бы шайках крестьян для истребления панов... возникли вследствие боязливости настроенного воображения окрестных помещиков из поляков, которые в малейшем народном движении видят угрозу себе».

Но страх был настолько велик, что отрицательные результаты полицейских и жандармских розысков не могли поколебать уверенность помещиков в существовании «заговора» против них. Такие результаты они объясняли не отсутствием заговора, а тем, что «парот зелений умеет упрямо сохранять всякую такого рода тайну».

Они требовали поспешно убрать могилу Шевченко, «туда, где сборища и демонстрации не могли бы иметь места». Так предлагал киевский губернатор предводитель дворянства. Ему вторил и генерал-губернатор, сообщавший в своей переписке

Фото С. Рубинштейн.

Музей Кобзаря

В дни, когда наша страна отмечает 80-летие со дня смерти гениального Кобзаря, в одном из красивейших зданий Киева, в бывшем парском дворце, открывается Центральный музей Т. Г. Шевченко.

Первый зал посвящен детским и юношеским годам великого поэта. Тут выставлены ценнейшие экспонаты, в том числе метрическая книга села Моринцы с записью о рождении Тараса Григорьевича Шевченко и оригинал портрета В. А.

Жуковского работы К. П. Брюллова, за который были вырублены 2.500 рублей ассигновками, необходимые для освобождения Шевченко из крепостной неволи.

Голам учебы в Академии художеств, началу литературного творчества и выходу первых изданий «Кобзаря» и «Гайдамаков», поездкам на Украину, поэтическому и художественному творчеству в этот период — посвящен второй зал.

Третий зал посвящен аресту Шевченко, допросу поэта в III отделении и ссылке в Оренбургские степи. Зритель увидит интересные архивные документы — протокол допроса Шевченко и приговор с парской припиской: «Поли стражайший надзор, с запрещением писать и рисовать», документы о пребывании поэта в оренбургском отдельном корпусе и т. д.

Возвращение поэта из ссылки, первое знакомство с произведениями А. И. Герцена, его приезд в Петербург, именная и личная близость с великими русскими революционерами-демократами Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым и другими, кого В. И. Ленин назвал «штурманом бури», освещены в экспонатах четвертого зала.

Пятый и заключительный зал первого раздела экспозиции покажет зрителю последние годы жизни Шевченко.

Судьба литературного и художественного наследия Шевченко до Великой Октябрьской социалистической революции и после Октября посвящен второй отдел музея.

Тут зритель увидит многочисленные материалы о том, как парское правительство боролось с Шевченко и после его смерти. Здесь также наглядно будет показано, как большевики защищали светлую память Кобзаря.

Уже в первый год существования советской страны партия и правительство принимают исторические декреты об увековечении памяти Т. Г. Шевченко. Зритель увидит текст декрета о сооружении памятника Т. Г. Шевченко в Москве, подписанный В. И. Лениным и И. В. Сталиным, а также эскиз этого памятника, выполненный русским скульптором С. М. Волнухиным.

Многочисленные и яркие экспонаты покажут посетителю влияние Шевченко на советскую литературу, театр, музыку, изобразительное и народное искусство.

Экспозиция заканчивается материалами о юбилейных днях 1939 года.

В. ПЕСТУН.

Директор Центрального музея Т. Г. Шевченко.

А. ЮРЧЕНКО.